

RU

Лингвопрагматические особенности стратегического маневрирования в британском политическом дискурсе (на материале выступлений Р. Сунака и К. Стармера)

Багринцева О. Б., Космодемьянская В. И.

Аннотация. Цель исследования – выявление лингвопрагматических особенностей стратегического маневрирования в англоязычном политическом дискурсе в условиях системного кризиса, связанного с экономической ситуацией и миграционной политикой Великобритании. В работе анализируются способы переосмысления кризисной ситуации в риторике бывших премьер-министров Р. Сунака и К. Стармера, реализуемые посредством отбора тем, управления аргументативным потенциалом высказывания и конструирования прагматически значимых оппозиций, воплощаемых в управленческой и критической моделях коммуникации в политическом дискурсе. Научная новизна исследования состоит в том, что на материале официальных текстов выступлений британских политических лидеров впервые системно описаны универсальные и индивидуально-авторские тактики стратегического маневрирования в ситуации политического кризиса, обусловленные различиями в коммуникативном стиле и стадии дестабилизации ситуации. В результате исследования установлено, что в риторике Р. Сунака доминирует управленческая дискурсивная модель, ориентированная на легитимацию политики, проводимой правительством под его руководством, посредством смещения внимания аудитории на эффективность государственного управления и социальных мер поддержки, тогда как в речи К. Стармера реализуется критическая дискурсивная модель, основанная на освещении недостатков существующей системы управления, критике предыдущего правительства и обосновании необходимости институциональных реформ.

EN

Linguopragmatic features of strategic maneuvering in British political discourse (based on speeches by Rishi Sunak and Keir Starmer)

O. B. Bagrintseva, V. I. Kosmodemyanskaya

Abstract. The purpose of the study is to identify the linguopragmatic features of strategic maneuvering in English-language political discourse under conditions of a systemic crisis associated with the United Kingdom's economic situation and migration policy. The study analyzes the ways in which the crisis situation is reconceptualized in the rhetoric of former Prime Ministers Rishi Sunak and Keir Starmer through the selection of topics, the management of the utterance's argumentative potential, and the construction of pragmatically significant oppositions embodied in managerial and critical models of communication within political discourse. The scientific novelty of the study lies in the fact that, based on official speech texts by British political leaders, it provides the first systematic description of universal and author-specific tactics of strategic maneuvering in a situation of political crisis, determined by differences in communicative style and the stage of destabilization of the situation. The study establishes that Rishi Sunak's rhetoric is dominated by a managerial discursive model aimed at legitimizing the policies implemented by the government under his leadership by shifting the audience's attention toward the effectiveness of public administration and social support measures. By contrast, Keir Starmer's speeches implement a critical discursive model based on highlighting shortcomings in the existing governance system, criticizing the previous government, and substantiating the need for institutional reforms.

Введение

Актуальность исследования обусловлена повышением интереса исследователей к проблеме выявления и систематического описания взаимосвязи семантики и лингвопрагматики с когнитивно-дискурсивными

структурами и механизмами, оказывающими влияние на процессы вербализованного упорядочения знаний и установок носителей языка в социально-политической сфере. Данный исследовательский ракурс позволяет не только определить прагматические закономерности аргументации, характерные для политического дискурса, но и установить интенциональные и тактические особенности дискурсивного поведения политических акторов, поскольку семантика и лингвопрагматика политического текста неотделимы от прагматических задач, мировидения, способов речевого манипулирования и легитимизации властных решений в кризисные периоды.

Достижение поставленной цели требует последовательного решения следующих задач:

- отбор и систематизация лингвистических маркеров стратегического маневрирования в текстах выступлений политических лидеров Великобритании, посвященных темам экономики и миграции;
- определение оснований прагматических проекций и тактических ходов на различные аспектные характеристики политической речи (выбор темы, ожидания аудитории, презентационные средства);
- выявление и описание универсальных дискурсивных инвариантов и индивидуально-авторских, прагматически специфических аспектов аргументативного переосмысления кризисных явлений в риторике Р. Сунака и К. Стармера.

Материалом исследования послужила выборка контекстов и речевых фрагментов стратегического маневрирования в дискурсе Риши Сунака, занимавшего пост премьер-министра Великобритании в период 2022-2024 гг. (14 текстов – подкорпус А), и Кира Стармера, занимавшего пост премьер-министра Великобритании в период 2024-2026 гг. (14 текстов – подкорпус Б), посвященных вопросам миграционной политики и экономического кризиса за период 2022-2026 гг., извлеченных методом сплошной выборки из цифрового репозитория Правительства Великобритании (GOV.UK), а также ведущих британских новостных порталов. Общий объем проанализированного корпуса составил 28 официальных текстов / около 30 000 словоупотреблений.

Исполняя обязанности премьер-министров Великобритании в указанные периоды, данные политики находились в фокусе общественного внимания, активно формируя и транслируя политическую повестку через схожие каналы коммуникации, что создает необходимые условия для проведения сопоставительного анализа особенностей стратегического маневрирования в политическом дискурсе. Особое внимание уделено выступлениям, посвященным наиболее значимым для британского общества темам: нелегальной миграции и экономической нестабильности.

Теоретическую базу исследования составили труды отечественных и зарубежных ученых в области политической лингвистики, теории аргументации, прагматической лингвистики и критического дискурс-анализа, посвященные изучению механизмов речевого воздействия, аргументативных стратегий и особенностей институциональной политической коммуникации.

В основу анализа стратегического маневрирования положены ключевые положения прагматической теории аргументации Ф. ван Эмерена и Р. Хаутлоссера (Eemeren, Houtlosser, 2000; Eemeren, 2010), в рамках которой аргументация рассматривается как сложная речевая деятельность, направленная на убеждение адресата в (не)приемлемости выраженного мнения посредством выдвижения определенных пропозиций. Наиболее важным для настоящего исследования является понятие стратегического маневрирования, введенное Ф. ван Эмереном для описания баланса между риторической эффективностью и диалектической обоснованностью в аргументативном дискурсе. Данное положение позволяет рассматривать выступления британских политиков не просто как одностороннее воздействие, а как многомерную деятельность, в которой политические акторы стремятся одновременно убедить аудиторию и сохранить видимость рациональной аргументации.

Не менее значимую методологическую роль в исследовании сыграли работы Т. А. ван Дейка (2013), в которых раскрываются механизмы когнитивной обработки политической информации и формирования ментальных моделей социально-политической реальности. Концепция Т. ван Дейка о взаимосвязи дискурса, познания и общества дает возможность определить, как лингвопрагматические средства в выступлениях Р. Сунака и К. Стармера способствуют созданию определенных когнитивных репрезентаций кризисных явлений (экономическая нестабильность, миграционный кризис) и формируют у адресата установку на восприятие политических решений как единственно возможных в данных обстоятельствах.

Когнитивно-дискурсивный подход к анализу политического текста реализован на основе положений, разработанных в трудах В. З. Демьянкова (2002), который рассматривает политический дискурс как особую когнитивную практику, в ходе которой происходит вербализованное упорядочение социально-политических знаний и установок. В контексте настоящего исследования данный подход позволил установить, как выбор определенных лексических и синтаксических средств в риторике Р. Сунака и К. Стармера отражает их когнитивные модели осмысления кризисных ситуаций и влияет на процессы категоризации и интерпретации политической информации массовой аудиторией.

В области лингвопрагматического анализа значимым для настоящей работы стало исследование Е. И. Шейгал (2004), посвященное семиотике политического дискурса и механизмам речевого воздействия в институциональной политической коммуникации. В частности, положение Е. И. Шейгал о поликодовом характере политического текста и о роли имплицитных смыслов в формировании прагматического эффекта позволило выявить скрытые интенции политических акторов, реализованные через пресуппозиции, имплицитности и другие средства не прямой коммуникации в анализируемых выступлениях.

Выбор методов исследования продиктован целью работы и необходимостью комплексного изучения языковых механизмов стратегического маневрирования в британском политическом дискурсе. Формирование

корпуса исследования проводилось методом сплошной выборки, в результате чего были отобраны и разделены на два подкорпуса тексты выступлений британских политиков, посвященных миграционной политике и экономическим проблемам. Непосредственная работа с материалом исследования проводилась с использованием контекстуально-интенционального анализа, что позволило определить коммуникативные намерения политических лидеров, установить прагматические функции языковых средств и выявить особенности реализации стратегического маневрирования в условиях политического кризиса. Выделение ключевых тематических доминант в выступлениях политических лидеров и определение способов управления тематикой сообщений потребовало привлечения метода тематического анализа, в результате чего было установлено, какие аспекты общественно значимых проблем намеренно выводятся политиками на передний план аргументации, а какие остаются на периферии дискурса. Исследование механизмов конструирования политической реальности, способов формирования образов политических оппонентов, особенностей репрезентации кризисных явлений в современном британском политическом дискурсе проводилось с использованием дискурсивного анализа. Выявление сходств и различий в стратегиях и тактиках речевого поведения Р. Сунака и К. Стармера осуществлялось с использованием сопоставительного метода.

Практическая значимость состоит в возможности использования результатов исследования в преподавании практического курса английского языка, разработке теоретических курсов по теории дискурса, политической лингвистике, межкультурной коммуникации, лингвопрагматике, теории и практике речевого воздействия. В прикладном аспекте полученные результаты представляются актуальными для практики политического консалтинга и лингвистической экспертизы медиатекстов.

Обсуждение и результаты

В современной лингвистике политический дискурс рассматривается как вид институциональной коммуникации, направленной на борьбу за власть, ее сохранение и легитимацию посредством оказания речевого воздействия на массового адресата (Адащик, 2025; Литвишко, Гхашим, Львова, 2021; Парламентский дискурс..., 2020). По мнению ряда исследователей, политический дискурс представляет собой коммуникативное пространство, в котором языковые средства используются для управления общественным мнением и формирования определенной картины политической реальности (Шейгал, 2004), т. е. он выполняет функцию социального контроля, воздействуя на чувства и эмоции аудитории (Барбина, Костюшкина, Фан Чжун, 2021, с. 99). В условиях кризисных ситуаций значение речевого воздействия существенно возрастает, поскольку политикам приходится не только информировать общество о происходящих событиях, но и интерпретировать их соответствующим образом, что требует применения определенных стратегий, направленных на формирование желательной для аудитории модели понимания происходящего.

Большое значение для исследования имеют положения В. З. Демьянкова (2002) о политическом дискурсе как разновидности институциональной коммуникации, в которой языковые средства используются не только для передачи информации, но и для интерпретации политической действительности, формирования оценок и оказания воздействия на адресата. Данный подход позволяет рассматривать аргументацию как инструмент конструирования политической реальности.

Главное место в теоретической базе исследования занимает прагматодialeктическая теория аргументации, разработанная Ф. ван Эмереном и его коллегами. Согласно данной концепции, аргументация представляет собой рациональную коммуникативную деятельность, направленную на разрешение разногласий посредством критической дискуссии (Emeren, Grootendorst, 2004). Вместе с тем исследователи отмечают, что в реальной коммуникации участники стремятся не только соблюдать требования разумной аргументации, но и добиваться максимальной эффективности убеждающего воздействия (Emeren, Garssen, Meuffels, 2012). Именно поэтому в рамках прагматодialeктического подхода была разработана концепция стратегического маневрирования, объясняющая способы совместной реализации риторической эффективности и аргументативной приемлемости.

Ф. ван Эмерен и П. Хоутлоссер (Emeren, Houtlosser, 2000) определяют стратегическое маневрирование как систематическую деятельность коммуникантов, направленную на достижение наиболее выгодного результата аргументации при сохранении видимости следования правилам рациональной дискуссии. В процессе стратегического маневрирования важно учитывать три аспекта, которые позволяют наилучшим образом реализовать цели коммуникации: выбор наиболее выгодных тем аргументации (topical potential), адаптация аргументации к ожиданиям и ценностям аудитории (audience demand) и использование специальных языковых средств представления позиции (presentational devices) (Emeren, 2010, p. 95, 263). Указанные положения легли в основу анализа стратегий аргументации в речи политических лидеров, представленного в настоящем исследовании.

Особую значимость концепция стратегического маневрирования приобретает при анализе политического дискурса в условиях кризиса. Согласно положениям критического дискурс-анализа, разработанным Т. ван Дейком (Dijk, 2006), политическая коммуникация характеризуется высокой степенью идеологической обусловленности, а отбор фактов, способы их языковой репрезентации и интерпретации непосредственно связаны с борьбой за власть и легитимацией политических решений. Политическим лидерам свойственно представлять собственную позицию как единственно рациональную и общественно значимую, что ограничивает пространство для альтернативных интерпретаций событий (Подшибякина, 2025). Стратегическое маневрирование в такой ситуации выступает эффективным механизмом формирования необходимого восприятия

политической реальности посредством отбора аргументов, управления тематикой обсуждения и использования соответствующих языковых средств.

В работах Р. Водак (Wodak, 2015) также отмечается, что кризисные периоды сопровождаются активизацией стратегий легитимации, необходимых политикам для объяснения принимаемых решений, оправдания предпринимаемых мер и поддержания доверия к государственным институтам. В таких ситуациях особую роль приобретают выбор тем аргументации, адаптация сообщений к ожиданиям аудитории и использование языковых средств убеждения, обеспечивающих поддержку политической линии правительства и доверие граждан (Перминова, 2025).

Положения политической лингвистики, критического дискурс-анализа, прагматического анализа теории аргументации и концепции стратегического маневрирования образуют единую теоретическую основу исследования. Их комплексное использование позволяет анализировать речевое поведение политических лидеров как систему аргументативных и коммуникативных решений, направленных на интерпретацию кризисной ситуации, легитимацию принимаемых политических решений и формирование общественного мнения.

Анализ выступлений Р. Сунака и К. Стармера, посвященных вопросам миграционной политики и экономической ситуации в Великобритании, осуществляется с опорой на вышеизложенные теоретические положения. Проведенное исследование показало, что в современном британском политическом дискурсе стратегическое маневрирование реализуется посредством целенаправленного отбора и акцентирования отдельных аспектов общественно значимых проблем, адаптации аргументации к ожиданиям аудитории и использования языковых средств, обеспечивающих максимальную убедительность сообщения. В условиях роста общественной обеспокоенности вопросами миграции и экономической нестабильности оба политика активно используют механизмы стратегического маневрирования, однако реализуют их посредством различных дискурсивных моделей.

На уровне отбора тем наблюдается общая для обоих политиков тенденция к целенаправленному смещению внимания аудитории с обсуждения общих причин политического кризиса на конкретные, вызывающие сильный эмоциональный отклик аспекты. При этом Р. Сунак преимущественно использует управленческую модель аргументации, ориентированную на демонстрацию эффективности государственных институтов и способности правительства контролировать ситуацию.

В подтверждение данного положения необходимо отметить речь Р. Сунака от 19 апреля 2024 г. о реформировании системы социального обеспечения (Prime Minister's Speech..., 2024), которая, на наш взгляд, представляет собой показательный пример стратегического маневрирования на уровне выбора темы аргументации. Вместо обсуждения структурных причин роста экономической неактивности населения – последствий пандемии, кризиса системы здравоохранения, дефицита медицинских кадров, региональных социально-экономических диспропорций или состояния рынка труда – Р. Сунак обращает внимание аудитории на более конкретную проблему зависимости от пособий и необходимости возвращения граждан к трудовой деятельности. Такой отбор тем позволяет политику представить сложную многофакторную проблему через призму управляемых и контролируемых государством процессов.

Уже в начале своего выступления Р. Сунак переводит внимание аудитории с главной проблемы – кризиса рынка труда и системы здравоохранения – на проблему роста числа экономически неактивных граждан и необходимость реформирования системы пособий как следствие пандемии. Данный эффект достигается посредством высокой частотности лексем *work / работа* (здесь и далее перевод автора статьи. – О. Б.) и *support / поддержка*, которые образуют разветвленную систему устойчивых словосочетаний. Так, политик отмечает: “...we need to be more ambitious about helping people **back to work**...” (Prime Minister's speech..., 2024). / «...нам необходимо проявлять больше настойчивости в возвращении людей к работе». Согласно словарю Cambridge Dictionary, глагольная конструкция *to get back to something* означает *to start doing or talking about something again* (CD) / *возвращаться к чему-либо*, т. е. в данном контексте подразумевает возобновление трудовой деятельности после перерыва. Использование именно этой конструкции позволяет Р. Сунаку представить занятость не как социально-экономическую проблему, а как нормальное состояние, к которому государство должно мотивировать граждан вернуться, поскольку, как отмечает премьер-министр, “*work is a source of dignity, purpose, of hope*” (Prime Minister's speech..., 2024). / «*работа – это источник достоинства, целеустремленности, надежды*». То есть вместо обсуждения структурных причин роста экономической неактивности Р. Сунак переводит проблему в систему ценностно маркированных представлений о труде, который представлен в его речи не только как источник материального благополучия, но также как социальная и нравственная норма: “...*work gives you the chance not just to earn ... but to contribute, to belong, to overcome feelings of loneliness and social isolation*...” (Prime Minister's speech..., 2024). / «*работа дает вам возможность не просто зарабатывать ... но и вносить свой вклад, быть частью общества, преодолевать чувство одиночества и социальной изоляции*...». Полагаем, что такой прием позволяет сместить внимание аудитории с объективных факторов кризиса на необходимость изменения поведения самих граждан и активизации роли государства по их возвращению к трудовой деятельности.

Также стратегическое маневрирование реализуется за счет использования оценочной лексики с положительной коннотацией для описания значимости работы (*dignity / достоинство, purpose / цель, hope / надежда, meaning / смысл, value / ценность*) и лексики с отрицательной коннотацией для описания последствий низкого уровня занятости населения Великобритании (*to undermine trust / подорвать доверие, a sense of unfairness / чувство несправедливости, to lose people from workforce / потерять людей из числа рабочей силы, to place irresponsible burden on taxpayers / возлагать безответственное бремя на налогоплательщиков*). Выбор данных языковых средств позволяет Р. Сунаку представить реформу системы пособий не как ужесточение социальной

политики, а как необходимую меру по возвращению граждан к полноценной общественной жизни, смещая фокус аргументации с причин кризиса на способы его государственного преодоления.

Аналогичным образом функционируют и другие словосочетания, подчеркивающие важность работы в жизни населения: *to stay (remain) in work* / *оставаться на работе*, *to break down barrier to work* / *преодолевать барьеры на пути к работе*, выступая противопоставлением потере способности работать по состоянию здоровья: *to be written off work* / *быть освобожденным от работы по состоянию здоровья*, *to be deemed unfit for work* / *быть признанным негодным к работе*. Повторяемость данных конструкций формирует единую семантическую сеть, в центре которой находится концепт *WORK*.

Одновременно с этим лексема *support* / *поддержка* используется в речи Р. Сунака преимущественно в сочетании *health support* / *медицинская поддержка*, *tailored support* / *индивидуализированная поддержка*, *appropriate support* / *надлежащая поддержка*, *to support disabled people* / *оказывать поддержку людям с ограниченными возможностями здоровья*, благодаря чему государственные меры интерпретируются как помощь гражданам, а не как ограничение социальных выплат.

В данном контексте особого внимания заслуживает еще один фрагмент: *“The whole point of replacing the Sick Note with the Fit Note was to stop so many people just being signed off as sick”* (Prime Minister’s speech..., 2024). / «Весь смысл замены **больничного листа** на **справку о состоянии здоровья** заключался в том, чтобы избавить столько людей от простого **списания их со счетов** как больных».

В приведенном примере стратегическое маневрирование реализуется посредством оппозиции *Sick Note* – *Fit Note*, способствующей смещению акцента с медицинского диагноза на трудоспособность человека. *Sick (ill)* (CD) / *больной* и *fit (of a good enough quality or suitable type for a particular purpose)* (CD) / *годный (к работе)* не являются антонимами, однако их использование в оппозиции способствует рефреймингу проблемы – внимание аудитории фокусируется не на физическом состоянии, а на степени трудоспособности, обозначаемой прилагательным с положительной коннотацией (*fit*), что создает позитивный образ возвращения человека к трудовой деятельности. Использование конструкции в страдательном залоге *being signed off as sick* позволяет вывести из фокуса агентов принятия решений (Литвишко, 2025, с. 120) и сосредоточить внимание аудитории на необходимости реформирования существующей системы оценки трудоспособности.

Не меньший интерес в контексте стратегического маневрирования представляет следующее высказывание: *“...just as we help people move from welfare into work ... we’ve got to do more to stop people going from work to welfare”* (Prime Minister’s speech..., 2024). / «...точно так же, как мы помогаем людям **переходить с социального обеспечения на работу** ... мы должны делать больше, чтобы люди **не переходили с работы на социальное обеспечение**».

В приведенном фрагменте стратегическое маневрирование реализуется посредством синтаксического параллелизма *from welfare into work* и *from work to welfare*, усиленного антиметаболой. Такая организация высказывания позволяет повысить аргументативный эффект, формируя взаимосвязь между возвращением граждан к трудовой деятельности и предотвращением их повторного обращения к системе социальных пособий как двумя главными задачами политики. Ценностная оппозиция *work* – *welfare* формирует положительную оценку трудовой занятости, тогда как зависимость от системы социального обеспечения имплицитно интерпретируется как нежелательное состояние. Концептуальная метафора движения, представленная глаголами *to move* и *to go* подчеркивает разнонаправленность процессов устройства на работу и перехода на социальное пособие, что усиливает убедительность предлагаемых правительством реформ.

В своем выступлении премьер-министр неоднократно переводит обсуждение из плоскости социальных причин кризиса в плоскость государственных мер по его решению. Так, он отмечает: *“...we need to be more ambitious about helping people back to work and more honest about the risk of over-medicalising the everyday challenges and worries of life”* (Prime Minister’s speech..., 2024). / «...нам необходимо проявлять больше настойчивости в возвращении людей к работе и честнее говорить о **риске превращения повседневных проблем и тревог в медицинские диагнозы**».

Здесь особый интерес представляет употребление конструкции *“...more honest about the risk of over-medicalising the everyday challenges”*. Лексема *over-medicalising*, являясь окказионализмом с префиксом со значением чрезмерности *over-*, указывает на стремление политика представить социальные проблемы как результат необоснованного внимания к повседневным проблемам, часто с привлечением медицинского персонала. Данная номинация смещает фокус на общественное восприятие проблемы занятости. Одновременно с этим использование словосочетания *everyday challenges* способствует снижению степени драматизации описываемой ситуации, а длительная нетрудоспособность представляется совокупностью обычных жизненных трудностей. В прагматическом плане подобный выбор языковых средств способствует легитимации реформирования системы социальных пособий.

Таким образом, стратегическое маневрирование реализуется посредством целенаправленного частотного использования лексем, репрезентирующих концепты *WORK* и *SUPPORT*, что позволяет представить реформу как механизм восстановления социальной активности населения.

Аналогичным образом стратегия выбора конкретного аспекта темы реализуется при обсуждении миграционной политики. Вместо комплексного анализа причин высокого уровня миграции Р. Сунак связывает данную проблему с необходимостью более активного трудоустройства вовлечения граждан Великобритании в национальный рынок труда, рассматривая снижение зависимости населения от системы социальных пособий как одно из условий сокращения миграционных потоков. Так, премьер-министр отмечает: *“There’s*

no sustainable way to achieve our goal of bringing down migration levels ... without giving more of our own people the skills, incentives and support to get off welfare and back into work” (Prime Minister’s speech..., 2024). / «Нет устойчивого способа достичь нашей цели по снижению уровня миграции ... без того чтобы дать большему числу наших собственных граждан навыки, стимулы и поддержку, чтобы они смогли выйти из системы социальной помощи и вернуться к работе».

Стратегическое маневрирование в вышеприведенном фрагменте реализуется при помощи лексических единиц, обозначающих государственную поддержку и занятость. Так, однородные дополнения – существительные *skills / навыки, incentives / инициативы и support / поддержка* создают впечатление комплексности государственных мер, предлагаемых правительством Р. Сунака с целью возвращения граждан к трудовой деятельности. Особую значимость в данном контексте приобретает словосочетание *our own people / наши собственные граждане*, которое актуализирует наиболее характерную для политического дискурса оппозицию «свои – чужие» (Чабанная, Каменский, 2023). Использование притяжательного местоимения *our / наши* способствует формированию чувства коллективной идентичности и усиливает аргумент о приоритетной поддержке граждан Великобритании.

Не менее показательным является использование глагольной конструкции *to get off welfare*, которая, исходя из значения фразового глагола *to get off* (CD), означает прекращение зависимости от системы государственного социального обеспечения. Вместе с конструкцией *back into work*, уже рассмотренной нами выше, данная конструкция образует причинно-следственную связку: отказ от социальных пособий → возвращение к трудовой деятельности → снижение миграции. В таком контексте миграция представляется не как следствие сложных социально-экономических процессов, а как проблема, которую можно решить путем совершенствования внутренней социальной политики и стимулирования занятости населения.

Использование количественных показателей Р. Сунаком представляет собой самостоятельный прием стратегического маневрирования. Следует отметить, что цифровые данные вводятся преимущественно посредством точных числительных: *2.8 million, 53%, £69 billion* (Prime Minister’s speech..., 2024), *82 organised crime groups, 352 boats* (Prime Minister announces..., 2024), что создает эффект объективности сообщения. Примечательно, что количественные данные сопровождаются глаголами с семантикой результативности в форме Past Simple – *increased* (Prime Minister’s speech..., 2024) / *увеличили*, *prevented* (Prime Minister announces..., 2024) / *предотвратили*, *dismantled* (Prime Minister announces..., 2024) / *демонтировали*, *seized* (Prime Minister announces..., 2024) / *изъяли*, а используемые с ними прилагательные и определительные наречия с положительной коннотацией, такие как *additional (25 million)* (Prime Minister’s speech..., 2024) / *дополнительные (25 миллионов)*, *successfully* (Prime Minister announces..., 2024) / *успешно*, *significantly* (Prime Minister announces..., 2024) / *значительно*, призваны усилить убедительность демонстрации уже достигнутых результатов деятельности правительства. Тем самым количественные данные выполняют не столько информативную, сколько аргументативную функцию, создавая позитивное впечатление об эффективности принимаемых управленческих решений. Полагаем, что подобная аргументация формирует образ политика-менеджера, опирающегося на рациональное управление ресурсами и демонстрирующего высокие показатели эффективности работы правительства под его руководством.

Таким образом, стратегическое маневрирование в речи Р. Сунака реализуется посредством управленческой дискурсивной модели. Выбор определенных аспектов темы позволяет политику последовательно смещать внимание аудитории с комплексного обсуждения причин социально-экономических трудностей на проблемы, связанные с эффективностью управления, стимулирования занятости и контроля над системой социального обеспечения. Выявленные нами языковые средства формируют образ правительства как субъекта, обладающего необходимыми инструментами для решения кризисных явлений, а предлагаемых им реформ – как рационального, социально-ориентированного ответа на сложившуюся ситуацию.

В отличие от Р. Сунака, К. Стармер в своих выступлениях преимущественно использует критическую модель, фокусируясь на недостатках действующей системы и необходимости институциональных преобразований. Важно отметить, что выбор аспектов обсуждаемой проблемы, на которые он намеренно обращает внимание аудитории, также носит селективный характер: на обсуждение выносятся не объективные причины кризиса, а последствия неэффективной политики предыдущего руководства страны и меры по их преодолению.

Наиболее показательным примером выступает речь К. Стармера от 12 мая 2025 г., посвященная реформированию миграционной политики. Обходя вниманием экономические, демографические и международно-политические причины роста миграции, политик представляет данную проблему как следствие политических просчетов предыдущего правительства, предлагая аудитории собственную характеристику существующей системы, породившей главную проблему – *uncontrolled migration* (Keir Starmer warns..., 2025). / *неконтролируемую миграцию*.

Ориентируясь на дефиницию прилагательного *uncontrolled – without anything having been done to stop a problem from increasing, or a disease, etc. from getting worse; not limited in any way* (CD) / *без каких-либо действий, направленных на предотвращение роста проблемы, обострения болезни и т. д.; никоим образом не ограниченный*, можно констатировать, что использование данной лексемы переводит проблему миграции из сферы объективных социально-экономических процессов в сферу государственного управления: проблема репрезентируется не как следствие внешних факторов, а как результат отсутствия эффективного контроля со стороны власти. Развитие этой идеи обеспечивается высокой частотностью лексем *control / контроль, rules / правила* и *system / система*, формирующих единое семантическое поле государственного регулирования. Так, политик заявляет: *“We will create a system that is controlled, selective and fair”* (Keir Starmer warns..., 2025). / *«Мы создадим систему, которая будет контролируемой, избирательной и справедливой»*.

Высказывание содержит последовательность из трех прилагательных – *controlled, selective and fair*, – каждое из которых актуализирует разные элементы ценностных установок аудитории: *controlled – limited, or managed by law or by rules* (OLD). / *ограниченный или управляемый законом или правилами*; *selective – affecting or involving only a small number of people or things from a larger group* (OLD). / *запугивающий или вовлекающий лишь небольшое число людей или предметов из более крупной группы*; *fair – treating everyone equally and according to the rules or law* (OLD). / *относящийся ко всем одинаково и в соответствии с правилами или законом*. Опираясь на данные дефиниции, отметим, что в понимании К. Стармера новая миграционная система должна быть управляемой, рациональной и социально справедливой. Такой комплекс положительных коннотаций используемых поли-тиком единиц позволяет ему представить предлагаемые реформы как единственно разумный способ решения проблемы, одновременно обходя вниманием обсуждение глубинных причин миграционного кризиса.

Дополнительным средством стратегического маневрирования в речи К. Стармера выступают глагольные конструкции *to restore control to our borders* (Prime Minister unveils..., 2025) / *восстановить контроль над нашими границами*, *to end abuse of the system* (Prime Minister unveils..., 2025) / *прекратить злоупотребление системой*, *to reshape the system* (Prime Minister unveils..., 2025) / *переформатировать систему*, объединенные общей семантикой. Рекуррентное употребление существительного *system* и глаголов с семантикой преобразования формирует у аудитории представление о существующей системе как неисправной и требующей вмешательства государства. Тем самым внимание аудитории фокусируется не на причинах миграции, а на необходимости институциональных преобразований.

Аналогичным образом стратегическое маневрирование реализуется в выступлении К. Стармера, посвященном реформированию энергетического рынка. Вместо анализа причин роста цен на энергоресурсы премьер-министр акцентирует внимание на недостатках действующей системы защиты потребителей. В речи премьер-министра преобладают лексемы *protect* / *защищать* и *compensate* / *компенсировать*, образующие разветвленную систему словосочетаний: *better protections* / *более эффективные меры защиты*, *consumer protection* / *защита прав потребителей*, *proper compensation* / *надлежащая компенсация*, *automatic compensation schemes* / *схемы автоматической компенсации*, *fairer, quicker, easier access to compensation* / *более справедливый, быстрый и легкий доступ к компенсации*. Ярким примером является следующее высказывание: “*The current system makes it too difficult for consumers to access proper compensation*” (Delivering an energy market..., 2025). / «*Действующая система существенно затрудняет получение потребителями надлежащей компенсации*».

Наиболее значимым элементом данного высказывания выступает словосочетание *proper compensation*. Исходя из дефиниции, прилагательное *proper* означает *correct or suitable* (CD) / *надлежащий, соответствующий установленным требованиям*, что указывает на то, что политик не считает существующую систему государственной поддержки эффективной. Глагольная конструкция *to access compensation* / *получить доступ к компенсации* смещает акцент с размера выплат на доступность механизма защиты прав потребителей.

Особую роль выполняет прием градации, реализуемый серией прилагательных в сравнительной степени *fairer, quicker, easier*. Их использование создает эффект поступательного улучшения государственной системы сразу по нескольким параметрам – справедливости, скорости оформления выплат и удобству их получения. Такая языковая организация сообщения представляет реформу как последовательность мер по устранению недостатков прежней модели регулирования. Экономический кризис в этом случае интерпретируется не как следствие глобальных экономических процессов, а как результат несовершенства действующих институтов защиты потребителей. Лексемы с семантикой защиты (*protection, compensation, fair*) позволяют К. Стармеру переосмыслить проблему через призму социальной ответственности государства и необходимости институциональных реформ.

Отдельного внимания заслуживает языковая организация количественных данных, которые в речи К. Стармера, как и Р. Сунака, также выступают самостоятельным приемом стратегического маневрирования, однако выполняют иную прагматическую функцию. Если в выступлениях Р. Сунака цифровые показатели преимущественно акцентируют внимание на эффективности деятельности возглавляемого им правительства, то в речи К. Стармера они последовательно конструируют образ масштабного кризиса как следствие неправильной политики предыдущего правительства, а также служат аргументом в поддержку предлагаемых реформ. Так, политик отмечает: “*Visas have already fallen by 40% since the government took power*” (Prime Minister unveils..., 2025). / «*С момента прихода правительства к власти количество виз уже сократилось на 40%*»; “*More than 24,000 people with no right to be here have been returned since the election*” (Prime Minister unveils..., 2025). / «*После выборов было возвращено более 24 000 человек, не имевших права находиться здесь*»; “*...a total of 9,400 returns were recorded*” (Prime Minister unveils..., 2025). / «*...было зарегистрировано в общей сложности 9400 случаев возвращения*». Использование точных цифр (40%, 24,000, 9,400) придает аргументации характер отчета о результатах деятельности правительства, однако особую роль играет их языковое оформление. Числительные регулярно сочетаются с глаголами в форме Present Perfect (*have fallen, have been returned*) и Past Simple (*were recorded*), фиксирующими уже достигнутые изменения и представляющими их как непосредственное следствие смены политического курса. Наречие *already* дополнительно подчеркивает наличие положительных результатов, достигнутых после прихода к власти нового правительства.

Аналогичным образом организована аргументация в выступлении, посвященном борьбе с детской бедностью. Политик отмечает: “*...we have frozen rail fares, prescription charges and cut energy bills for every family by £150*” (Government brings in measures..., 2025). / «*...мы заморозили тарифы на железнодорожные перевозки, оплату лекарств по рецептам и сократили счета за электроэнергию для каждой семьи на 150 фунтов стерлингов*»; “*...we are investing £18.5 million this year in infant feeding*” (Government brings in measures..., 2025). /

«...в этом году мы инвестируем 18,5 млн фунтов стерлингов в детское питание». В отличие от риторики Р. Сунака, где количественные показатели призваны продемонстрировать эффективность управления, у К. Стармера они выполняют функцию критической аргументации: статистические данные демонстрируют масштаб социальных проблем, а затем подтверждают результативность первых шагов нового правительства по их преодолению. Использование глагола в форме Present Continuous (*we are investing*) указывает на четкое планирование мер по преодолению сложившейся кризисной ситуации. Таким образом цифровые данные становятся средством противопоставления двух моделей государственного управления – неэффективной, ассоциируемой с прежним правительством, и реформаторской, реализуемой действующим кабинетом.

Итак, стратегическое маневрирование в выступлениях К. Стармера реализуется посредством критической дискурсивной модели. На уровне выбора темы политик последовательно смещает внимание аудитории с обсуждения объективных причин социально-экономических процессов на оценку результатов деятельности предыдущего правительства и необходимость восстановления государственного контроля. При этом аргументация сочетает рациональные элементы (статистические данные, ссылки на реформы и институциональные изменения) с эмоционально окрашенными примерами, затрагивающими повседневный опыт граждан. Подобная стратегия позволяет одновременно критиковать существующее положение дел и формировать образ правительства как субъекта, способного обеспечить более эффективное, справедливое и ответственное государственное управление.

Проведенный анализ показал, что стратегическое маневрирование в выступлениях Р. Сунака и К. Стармера реализуется посредством разных дискурсивных моделей: Р. Сунак реализует управленческую модель, в рамках которой фокус аудитории смещается на вопросы государственного контроля, социально-экономической эффективности и результативности принимаемых управленческих решений. Независимо от темы обсуждения политик представляет кризис как проблему, которую можно решить посредством эффективного государственного управления, что демонстрирует лексика контроля, ответственности и планирования. В результате формируется образ правительства как компетентного государственного органа, обладающего необходимыми ресурсами для преодоления существующих вызовов. В свою очередь, К. Стармер реализует критическую дискурсивную модель. Его аргументация фиксирует недостатки действующей системы управления, неспособность предыдущего правительства эффективно решать социально-экономические проблемы, что актуализирует необходимость проведения реформ. Обсуждая последствия для населения решений, предлагаемых новым правительством, К. Стармер перенаправляет внимание аудитории с внешних факторов на ответственность власти, фокусируясь на вопросах социальной справедливости, качества государственных услуг и эффективности государственного управления. Иными словами, дискурсивная модель Р. Сунака ориентирована на легитимацию политики возглавляемого им правительства посредством демонстрации его управленческой компетентности, а модель К. Стармера строится на критическом переосмыслении существующей модели управления и обосновании необходимости проведения политических реформ.

Заключение

Проведенный анализ дискурсивных моделей, реализуемых в выступлениях Р. Сунака и К. Стармера, позволяет сделать вывод о том, что стратегическое маневрирование выступает одним из основных механизмов организации британского политического дискурса в условиях социально-экономических и миграционных вызовов современности. Полученные результаты убедительно доказывают, что оба политика последовательно адаптируют аргументацию к ожиданиям аудитории, целенаправленно отбирая наиболее выгодные аспекты обсуждаемых проблем и фокусируя на них внимание аудитории.

В соответствии с первой задачей исследования были отобраны и систематизированы лингвистические маркеры стратегического маневрирования в текстах выступлений политических лидеров Великобритании, посвященных темам экономики и миграции. Установлено, что в качестве ключевых маркеров выступают: (1) лексические единицы с семантикой управления и контроля (*control, manage, support, reform*); (2) глаголы с семантикой результативности и возобновления деятельности (*return, back to work, dismantle, prevent*); (3) оценочные прилагательные, характеризующие эффективность государственной политики (*effective, fair, proper, selective*); (4) количественные данные, используемые для аргументированного обоснования политических решений; (5) синтаксические конструкции с противопоставлением (*from... into..., not... but...*). Выявленный набор маркеров свидетельствует о том, что стратегическое маневрирование в британском политическом дискурсе реализуется на всех языковых уровнях – от лексического выбора до синтаксической организации текста.

В соответствии со второй задачей исследования были определены основания прагматических проекций и тактических ходов на различные аспектные характеристики политической речи (выбор темы, ожидания аудитории, презентационные средства). Установлено, что прагматические проекции обусловлены коммуникативно-прагматическими установками политических акторов: Р. Сунак, находясь у власти в период кризиса, реализует тактику легитимации проводимой политики через акцент на эффективности управления и конкретных результатах (рост занятости, снижение уровня нелегальной миграции); К. Стармер, находясь в оппозиции, реализует тактику критики существующей системы через акцент на недостатках предыдущего управления и необходимости институциональных реформ. В обоих случаях выбор презентационных средств (количественные данные, оценочная лексика, противопоставления) подчинен единой прагматической цели – формированию у аудитории установки на восприятие позиции политика как единственно рациональной в данных обстоятельствах.

В соответствии с третьей задачей исследования были выявлены и описаны универсальные дискурсивные инварианты и индивидуально-авторские, прагматически специфические аспекты аргументативного переосмысления кризисных явлений в риторике Р. Сунака и К. Стармера. К универсальным инвариантам относятся: (1) использование количественных данных для аргументативного усиления позиции; (2) актуализация темы контроля как ключевого аспекта государственного управления; (3) бинарная оппозиция «эффективное управление – неэффективное управление». К индивидуально-авторским особенностям относятся: (1) у Р. Сунака – доминирование лексики занятости и возвращения к работе (*back to work, welfare into work*), что отражает его прагматическую установку на легитимацию политики сокращения социальных выплат; (2) у К. Стармера – доминирование лексики институциональных реформ и справедливости (*fair, proper, system reform*), что отражает его прагматическую установку на критику существующей системы и обоснование необходимости институциональных преобразований.

Сравнительный анализ показал, что различия между дискурсивными моделями двух политиков проявляются как на этапе отбора тем аргументации, так и на уровне языковой реализации стратегического маневрирования. Если Р. Сунак использует указанные языковые средства для конструирования образа эффективного государственного управления и легитимации проводимой политики, то К. Стармер, применяя выявленные лексические и аргументативные средства, стремится сформировать у аудитории представление о несостоятельности прежней модели управления и необходимости ее реформирования. Вместе с тем проведенный анализ показал, что независимо от различий в коммуникативно-прагматических установках политиков тематический отбор и его языковая репрезентация являются взаимосвязанными механизмами стратегического маневрирования: именно выбор наиболее выгодных аспектов обсуждаемой проблемы определяет последующий отбор языковых средств, обеспечивая необходимый прагматический эффект и повышая убедительность политического сообщения.

Перспективы дальнейших исследований видятся в проведении сравнительного анализа стратегического маневрирования в политическом дискурсе различных национальных традиций, что позволит выявить как универсальные механизмы, так и культурно обусловленные особенности реализации стратегического маневрирования в политическом дискурсе.

Материалы исследования | Research materials

1. CD – Cambridge Dictionary. <https://dictionary.cambridge.org/>
2. Delivering an energy market that works for consumers. 2025. 19 June. <https://www.gov.uk/government/news/delivering-an-energy-market-that-works-for-consumers>
3. Government brings in measures to help tackle child poverty. 2025. 3 December. <https://www.gov.uk/government/news/government-brings-in-measures-to-help-tackle-child-poverty>
4. Keir Starmer warns UK risks 'becoming island of strangers' in major press conference. 2025. 12 May. <https://www.mirror.co.uk/news/politics/keir-starmer-immigration-live-updates-35208834>
5. OLD – Oxford Learner's Dictionaries. <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/>
6. PM announces further funding for the National Crime Agency (NCA) and new migration returns figures. 2024. 4 November. <https://www.gov.uk/government/news/pm-announces-further-funding-for-the-national-crime-agency-nca-and-new-migration-returns-figures>
7. Prime Minister announces new funding to stop the boats. 2024. 20 May. <https://www.gov.uk/government/news/prime-minister-announces-new-funding-to-stop-the-boats>
8. Prime Minister unveils new plan to end years of uncontrolled migration. 2025. 11 May. <https://www.gov.uk/government/news/prime-minister-unveils-new-plan-to-end-years-of-uncontrolled-migration>
9. Prime Minister's speech on welfare. 2024. 19 April. <https://www.gov.uk/government/speeches/prime-ministers-speech-on-welfare-19-april-2024>

Источники | References

1. Адашик Д. Н. Способы реализации кризисной коммуникации в англоязычном пандемийном политическом медиадискурсе // Профессиональная коммуникация: актуальные вопросы лингвистики и методики. 2025. № 18-3.
2. Баребина Н. С., Костюшкина Г. М., Фан Чжиюн. Векторы аргументативной ориентации в изучении динамики языковых аспектов политического медиадискурса // Известия Байкальского государственного университета. 2021. Т. 31. № 1. [https://doi.org/10.17150/2500-2759.2021.31\(1\).98-102](https://doi.org/10.17150/2500-2759.2021.31(1).98-102)
3. Дейк Т. ван. Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М.: URSS, Либроком, 2013.
4. Демьянков В. З. Политический дискурс как предмет политологической филологии // Политическая наука. 2002. № 3.
5. Литвишко О. М. Морфосинтаксические средства манипуляции в англоязычном юридическом дискурсе // Языковая политика и лингвистическая безопасность: сборник научных статей по материалам VIII Международного интерактивного научно-образовательного форума, Нижний Новгород, 22-23 апреля 2025 года. Н. Новгород: НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, 2025.

6. Литвишко О. М., Гхашим М., Львова С. Н. Языковые маркеры лидерства в политическом дискурсе // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2021. № 4. <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2021-4-134-146>
7. Парламентский дискурс: социокультурные практики и языковое воплощение: коллективная монография. Казань: ООО «Бук», 2020.
8. Перминова Г. В. Лингвопрагматические механизмы легитимации власти в условиях кризиса: на материале немецкого парламентского дискурса // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2025. № 8. <https://doi.org/10.30853/phil20250486>
9. Подшибякина Т. А. Процессы и механизмы политического восприятия: методология исследования в политической науке // Политическая наука. 2025. № 4. <https://doi.org/10.31249/poln/2025.04.11>
10. Чабанная А. Г., Каменский М. В. Бинарная концептуальная оппозиция «Мы – Они» в современном англоязычном политическом дискурсе // Гуманитарные и юридические исследования. 2023. Т. 10. № 3. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.3.23>
11. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. М.: Гнозис, 2004.
12. Dijk T. A. van. Politics, Ideology, and Discourse // Encyclopedia of Language & Linguistics. Elsevier, 2006.
13. Eemeren F. H. van. Strategic Maneuvering in Argumentative Discourse. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2010.
14. Eemeren F. H. van, Garssen B., Meuffels B. Effectiveness Through Reasonableness. Preliminary Steps to Pragma-Dialectical Effectiveness Research // Argumentation. 2012. Vol. 26. <https://doi.org/10.1007/s10503-011-9234-7>
15. Eemeren F. H. van, Grootendorst R. A Systematic Theory of Argumentation. The Pragma-Dialectical Approach. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.
16. Eemeren F. H. van, Houtlosser P. Rhetorical Analysis within a Pragma-Dialectical Framework, the case of R. J. Reynolds // Argumentation. 2000. Vol. 14. Iss. 3.
17. Wodak R. Critical Discourse Analysis, Discourse-Historical Approach // The International Encyclopedia of Language and Social Interaction. John Wiley & Sons, 2015.

Информация об авторах | Author information

RU**Багринцева Ольга Борисовна**¹, к. филол. н., доц.**Космодемьянская Виктория Игоревна**², к. филол. н., доц.¹ Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева² Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург**EN****Olga Borisovna Bagrintseva**¹, PhD**Viktoria Igorevna Kosmodemyanskaya**², PhD¹ Astrakhan State University named after V. N. Tatischev² Herzen State Pedagogical University, St. Petersburg¹ olgabagrintseva@rambler.ru, ² kosmoviktoria@gmail.com

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 16.06.2026; опубликовано online (published online): 27.08.2026.

Ключевые слова (keywords): политический дискурс; стратегическое маневрирование; прагмалингвистика; дискурсивная модель; кризисная риторика; political discourse; strategic maneuvering; pragmalinguistics; discursive model; crisis rhetoric.